

Если тщательно посчитать, Тин Шуан не видел Чжу Ао почти четыре года.

Вероятно, он учился на втором курсе средней школы, когда впервые снял номер в отеле с Лян Чжэн Сюанем. Недолго думая, он оплатил номер карточкой, которой обычно пользовался, точно так же, как обычно ходил за покупками. Платежные реквизиты были записаны, и их идентификационные данные также были там, так что его было слишком легко отследить.

Чжу Ао попросил кого-то проследить, но после этого он ничего не сказал. Только когда Тин Шуан вернулся домой во время летних каникул, Чжу Ао позвал его в кабинет и положил перед ним распечатанный бланк: дата, на которую он забронировал номер, отель, карточка, которую он стащил... Даже идентификационный номер Лян Чжэн Сюаня и время, когда они въезжали и выезжали. Все было напечатано четко.

- Ты хочешь улучшить качество своей жизни? А что, в школьном общежитии неудобно? - Чжу Ао поднял глаза и спросил его.

Это он дал Тин Шуану изящный способ выйти из ситуации. До тех пор, пока Тин Шуан не признается в этом, и до тех пор, пока Тин Шуан не принимает эти отношения всерьез, Чжу Ао готов был закрыть один глаз и пропустить это мимо ушей.

Кто не дурачился, когда был молодым?

Но Тин Шуан не дурачился, он был серьезен.

- Ты следил за мной? Ты даже в такие вещи заглядывал? - он крепко сжал листок бумаги, - Это мое личное дело, какое оно имеет отношение к тебе?

- Какое это имеет отношение ко мне? - Чжу Ао был так зол, что рассмеялся, - Если ты не хочешь, чтобы я заботился о том, что ты делаешь, конечно. Просто положи карту на стол и убирайся отсюда.

Тин Шуан пристально посмотрел на Чжу Ао, вынул из кармана бумажник, достал удостоверение личности и бросил бумажник, в котором были все его карты и наличные, на стол.

Его часы купил Чжу Ао... Он снял их и бросил на стол.

Его ремень также был куплен на деньги Чжу Ао...

Он расстегнул его и бросил на стол.

Тапочки на его ногах принадлежали семье. Хотя он не знал, кто их купил, они, должно быть,

были куплены на деньги Чжу Ао...

Он решительно пнул их в сторону.

Тин Шуан посмотрел вниз и оценил себя. К счастью, одежда, которую он носил, была куплена его матерью, иначе ему пришлось бы выйти голым.

Он повернулся и вышел босиком.

Из-за его спины Чжу Ао крикнул:

- Тин Шуан, ты хочешь разозлить меня до смерти? Надень обувь!

- Кому нужны твои гнилые башмаки! - взревел Тин Шуан, выбегая наружу. Когда он поднял глаза, то случайно встретился взглядом с матерью Чжу Вэньцзя. Он был немного смущен, - Гм... тетя, мне очень жаль... Я не имел в виду вас, я имел в виду туфли, гм тапочки.

Вэн Юни слегка поперхнулась и приподняла уголки губ у улыбке:

- Ты сегодня ешь дома? Сяо Цзя скоро вернется. Ты можешь поесть вместе с братом.

- Спасибо, тетя, но я не буду есть, - Тин Шуан вежливо кивнул Вэн Юни, затем повернулся и крикнул в сторону кабинета, - Я не платил за еду и не могу позволить себе есть здесь.

Закончив говорить, он выскочил из дома. После этого, если было что-то, что он должен был взять из дома, например, аттестат о среднем образовании, он просил Чжу Вэньцзя помочь ему и принести. С тех пор он действительно не заходил в дом и никогда не использовал ни одного пенни Чжу Ао.

В первый год он ни разу не зашел домой и даже не позвонил. На второй год он вспомнил свои действия в кабинете в то время и почувствовал себя ребенком. Ему это даже показалось немного забавным, поэтому в тот новогодний вечер он позвонил Чжу Ао, чтобы поздравить его.

Отец и сын немного поболтали, не упомянув ни о Лян Чжэн Сюане, ни о ссоре, которая произошла между ними ранее. Тин Шуан говорил только о своей учебе и о том, как он хочет учиться за границей. Его приготовления были почти закончены.

Чжу Ао спросил его, что он изучает, и он ответил, что это все еще робототехника. Это решение было отражением чувств Тин Шуана; это была его ответственность, поэтому он должен был нести ее.

Услышав это, Чжу Ао спросил его, достаточно ли у него денег, чтобы уехать за границу. Тин Шуан сказал, что хватит.

Эти слова также отражали чувства Тин Шуана; он не позволял другим вмешиваться в его личную жизнь, даже своему отцу. Хотя в то время он уже полгода так усердно работал, что его рвало кровью.

В последующие два года Тин Шуан также брал на себя инициативу звонить Чжу Ао. Как отец и сын, они много говорили о текущем состоянии отрасли, а затем обменивались новогодними поздравлениями, сообщая о своем благополучии. Но что касается Лян Чжэн Сюаня, то ни один из них не сдался, поэтому они оставались в тупике. И отец, и сын были очень похожи. Они ели мягкое, но не твердое*. При одном упоминании об этом они оба выходили из себя, поэтому просто не поднимали эту тему.

Теперь Тин Шуан стоял в нескольких метрах от Чжу Ао и чувствовал, что его отец, кажется, постарел. Он стал немного толще, и у него добавилось седых волос. К счастью, он не лысел. В глубине души он почувствовал лишь легкий укол боли.

Бай Чан И увидел, как он застыл на месте, и подумал, что у него страх публичности, поэтому заговорил, напоминая:

- Тин?

Тин Шуан глубоко вздохнул, принял достойное выражение лица и подошел. Бай Чан И еще раз представил его людям из китайской компании:

- Это мой ученик Тин Шуан, - затем он сказал Тин Шуану, - Тин, это основатель «RoboRun», господин Чжу Ао.

Тин Шуан медленно повернул голову, чтобы посмотреть на Бай Чан И, в его глазах был какой-то необъяснимый смысл.

Что за взгляд бросил на него этот мальчишка? Неужели он все еще не совсем проснулся?

Бай Чан И ответил ему еще одним многозначительным взглядом: поприветствуй его.

Мм, он должен поприветствовать его... Кажется, он может приветствовать его только одним способом...

Тин Шуан медленно повернул голову и посмотрел на Чжу Ао:

- ... Отец.

- Отец? - Бай Чан И посмотрел на Тин Шуана.

Первая его реакция была - хотя Чжу Ао был основателем «RoboRun»... называть его отцом было слишком. Вроде в новостях сообщалось, что молодые люди в Китае называют Ма Юня только «отцом»? В наши дни можно назвать отцом любого босса?

Только его вторая реакция была - Тин Шуан упоминал, что его семья работала над промышленными роботами. Он не ожидал, что у отца Тин Шуана будет фамилия Чжу.

В то же время он услышал, как Чжу Ао сказал Тин Шуану:

- Ты стал учеником профессора Бая и даже не сказал мне? Профессор Бай не так легко принимает студентов.

Эти слова отчасти шли от сердца, а отчасти были просто формальностью (2). Отцу и сыну, которые созванивались только раз в год, было не о чем говорить, и профессор Бай не мог быть одной из тем, которые они обсуждали. Но правдой было и то, что Чжу Ао хотел, чтобы Тин Шуан звонил чаще, особенно после того, как он узнал, что Тин Шуан и Лян Чжэн Сюань расстались.

Тин Шуан сказал:

- Я прошел только один курс у профессора Бая...

Дама средних лет рядом с Чжу Ао сказала:

- Так это Сяо Шуан! Какое совпадение, я так давно тебя не видела, ты так вырос.

Тин Шуан сказал:

- Привет, тетя Ван, тетя все так же молода...

Другой молодой человек сказал:

- Я слышал некоторое время назад, что сын босса учится в Германии, но я не ожидал, что вы будете учеником профессора Бая...

- Хе, хе... - вежливо рассмеялся Тин Шуан и, присев рядом с Баем Чан И, коснулся под столом его бедра, умоляя помочь.

Он думал, что приехал сюда учиться, но оказалось, что это семейное воссоединение.

Бай Чан И взглянул на Тин Шуана, затем, открыл меню и сменил тему, улыбнувшись Чжу Ао и остальным:

- Свиные ножки - фирменное немецкое блюдо. Все хотели бы попробовать?

«Да здравствует Бай Лаобань!» - закричал в своем сердце Тин Шуан.

Все приняли предложение профессора Бая и заказали по одному бокалу местного пива.

Возможно, из-за Тин Шуана атмосфера за столом теперь отличалась от прежней. Предыдущая трапеза была похожа на обед с деловыми партнерами, где все говорили о текущих проектах и оставались вежливыми друг с другом, а также обсуждали возможность сотрудничества в будущем. Но теперь для людей из «RoboRun» Бай Чан И превратился из их делового партнера в наставника сына босса. Теперь он был почти частью их компании.

- Профессор Бай, как обычно Тин Шуан ведет себя на занятиях? - спросил с улыбкой Чжу Ао, - Он не доставляет хлопот?

Как он ведет себя на занятиях...

За исключением того, что он пропустил первый урок, он никогда не отвечал на вопросы, делал много ошибок в домашнем задании, иногда забывал принести свою сумку в класс, а однажды попытался пропустить урок, все было довольно хорошо.

Поэтому Бай Чан И ответил:

- Очень хорошо.

Выражение лица Чжу Ао изменилось на удивленное, но в его глазах было немного гордости:

- Правда? Я помню, как он не любил учиться в Китае.

В своем сердце Тин Шуан сказал: «О мой дорогой отец, неужели ты не понимаешь, какими добродетелями обладает твой сын? Он никогда не менялся. Профессор просто был вежлив, а ты воспринял это всерьез?»

Тетя Ван возразила:

- Как это возможно? Я помню, как Сяо Шуан часто приходил в компанию делать домашнее задание после школы, когда был маленьким... Как только он начинал, он сидел до 8 или 9 вечера....

В глубине души Тин Шуан сказал: «Не потому ли, что я не мог ответить на вопросы? Эти гении могли закончить домашнее задание в классе, поэтому им никогда не приходилось делать его ночью...»

- Да, я помню, что Сяо Шуан делал уроки до глубокой ночи и не решался пойти в туалет компании один. Ему приходилось просить кого-нибудь сопровождать его, потому, что он боится привидений...

- Совершенно верно, я помню....

Когда госпожа Ван возглавила беседу, атмосфера за обеденным столом постепенно улучшилась, и все начали вспоминать детство Тин Шуана. Тин Шуан больше не мог этого выносить и снова тайком коснулся бедра Бая Чан И. Смысл был очевиден: Бай Лаобань, спаси меня и заставь их говорить о чем-то другом?

Бай Чан И никак на него не отреагировал и проявил живой интерес к (уродливым) временам детства Тин Шуана.

Тин Шуан мог только смотреть вниз и сосредоточиться на своих свиных ножках.

Вот дерьмо. Ему так нравится слушать глупые истории о нем?

Когда за столом обсудили еще несколько историй о Тин Шуане, атмосфера стала все более и более восторженной. Все понимали, что Тин Шуан был как талисман; он служил началом разговора, углубляя китайско-германскую дружбу и укрепляя сотрудничество между «RoboRun» и LRM. Он был необходим для развития отношений между обеими сторонами.

После трех раундов тостов все пили до тех пор, пока не потеряли первоначальную сдержанность и вежливость. Чжу Ао поднял свой бокал в сторону Бая Чан И и сказал:

- Брат Бай, я всего на десять лет старше тебя. Если тебе нравится, зови меня просто брат Чжу.

(1) «Есть мягкое, но не твердое» - это дословный перевод типичной китайской поговорки 外圆内方. Это означает, что они предпочитают мягкий / тактичный подход, а не конфронтационный/твердый.

(2) Не совсем уверена, как это перевести. “外圆内方” просто относится к тому, что вы говорите во время деловой/серьезной встречи, например, болтовня или что-то в этом роде, чтобы поднять

настроение / подлизаться

<http://bllate.org/book/13603/1206252>